

Примечания

¹ См.: Аникст А. История учений о драме. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М., 1972. С.118.

² См.: История русской драматургии XVIII-XIX веков. Л., 1982. С.464.

³ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4. М., 1967. С.211. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.

⁴ Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1986. С.443. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.

⁵ Переписка Н.В. Гоголя.: В 2 т. Т.1. М., 1988.

⁶ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.

⁷ Манн Ю.В. Драматургия Н.В. Гоголя // История русской драматургии XVIII-XIX веков. Л., 1982.

В.Ш. Кривонос*

Самарский государственный педагогический университет

Наполеоновский миф в поэме Гоголя «Мертвые души»

В десятой главе «Мертвых душ» чиновники города N. выдвигают версию, будто Наполеон намеренно принял облик Чичикова, чтобы неизвестным *пробраться* в Россию: «Из числа многих, в своем роде сметливых предположений, было наконец одно, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон, что англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна, что даже несколько раз выходили и карикатуры, где русский изображен разговаривающим с англичанином. Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон. “Смотри, мол, - говорит, - если что не так, то я на тебя сейчас выпущу эту собаку!” И вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков»¹.

Странное предположение, объясняемое страхом перед исходящей от Чичикова иррациональной опасностью, продиктовано мифологической

* © Кривонос В.Ш., 2004.

интуицией наделенных архаическим сознанием персонажей, так реагирующих на непонятное поведение пришельца из иного мира, скрывающего свою подлинную сущность.

Переодевание, будучи мифологически значимым актом, уподобляется здесь не просто ряжению, но фиктивному превращению², так что Наполеон, подменяя Чичикова, Наполеоном и остается. Отождествление с *собакой* актуализирует представление об отсутствии у *иностранца*, кем и является Наполеон, души³. Согласно логике мифомагического мышления, прикинувшийся Чичиковым Наполеон потому и способен приобретать *несуществующие* души, что у него самого отсутствует душа, то есть он принадлежит к сфере нечеловеческого⁴.

Наполеоновская версия, фиксируя проницаемость для опасного чужака как пространственных, так и мифологических границ, не просто усиливает хтонические обертоны фигуры Чичикова, но и дает психологически достоверный ответ на занимающий *господ чиновников* вопрос: «Да кто же он в самом деле такой?» [V. С. 279].

Формальное сходство, подчеркивая правдоподобность идентификации Чичикова и Наполеона, позволяет объяснить, почему ссыльному императору удалась затея с переодеванием: «...Чиновники... нашли, что лицо Чичикова, если он повернется и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона. Полицеймейстер, который служил в кампании 12 года и лично видел Наполеона, не мог тоже не сознаться, что он ростом никак не будет выше Чичикова и что складом своей фигуры Наполеон тоже, нельзя сказать, чтобы слишком толст, однако ж и не так чтобы тонок» [V. С. 294-295].

Вместе с тем высказанная чиновниками версия настолько обостряет впечатление ирреальности происходящего, что повествователь вынужден мотивировать ее возникновение ссылкой на мифогенную эпоху: «Может быть, некоторые читатели назовут все это невероятным, автор тоже в угоду им готов бы назвать все это невероятным; но как на беду все именно произошло так, как рассказывается, и тем еще изумительнее, что город был вовсе не в глуши, а, напротив, недалеко от обеих столиц. Впрочем, нужно помнить, что все это происходило вскоре после достославного изгнания французов» [V. С. 295].

Если Наполеон, *вытупщенный* англичанами и *переодетый* Чичиковым, наделяется свойствами демонического противника, деструктивные действия которого и создают атмосферу хаоса, порождающую *в своем роде сметливые предположения*, то Чичиков, принятый за Наполеона, пред-

стает его пародийным дублером, типа мнимого *иностранца*, о существовании которого сообщает вывеска «...с картузами, фуражками и надписью: “Иностранец Василий Федоров”...» [V. С. 15]. Мифическому *иностранцу* уподобляется и сам герой, занятый приготовлением к балу: «...Отпущено было в зеркало несколько поклонов в сопровождении неясных звуков, отчасти похожих на французские, хотя по-французски Чичиков не знал вовсе» [V. С. 230].

Чичиков и на Наполеона похож лишь *отчасти*, ежели *повернется и станет боком*. Между тем предположение чиновников выглядит тем достовернее, чем менее ясным видится *происхождение* героя, риторические послылы которого словно намеренно запутывают дело: «Если б вы знали, какую услугу оказали сей, по-видимому, дрянью человеку без племени и роду!» [V. С. 52].

Архаические истоки наполеоновской легенды прочно связывают ее с «древним мифом о безродном герое»⁵. В биографии Чичикова, где, если следовать жанровому канону, и должна быть раскрыта тайна появления на свет будущего *приобретателя*, именно *безродность* оказывается его значимым мифологическим атрибутом: «...Он родился, просто, как говорит пословица: ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца» [V С. 321].

Гоголевского «безродного героя» характеризуют *отсутствующие* признаки, что проясняет функции наполеоновского мифа в поэме: *переодетого* Наполеона сближает с квазиисторическим Наполеоном, которого *лично видел* полицеймейстер, как раз атрибутика негативности [«не... не...»]. Чичиков, который «...сам весьма неясно отзывался насчет собственного лица...» [V. С. 279], становится воплощением хтонической *пустоты*, способы заполнения которой и придают сюжетному движению мифологическую перспективу. Загадочность героя, ускользающего от любых позитивных определений, коррелирует и с *темнотой* его происхождения, и с *тайной* его изображения: «И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме» [V. С. 349].

Таинственное предназначение и *чудесный жребий*, формируя мифологическую топику наполеоновской легенды⁶, служат и мифообразующими элементами жизнеописания Чичикова. И как в наполеоновской легенде ключевую роль играют мотивы «борьбы с судьбой» и «обновления»⁷, так и в биографической истории героя, обладающего наполеоновскими характерологическими чертами, отмеченным мотивам придается особое значение: «И вот решил он сызнова начать карьер, вновь

вооружиться терпением, вновь ограничиться во всем, как ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде» [V. С. 335].

Будучи потенциальным носителем различных жанровых амплуа, в диапазоне от архаического трикстера до житийного подвижника⁸, Чичиков наделен в поэме свойством проблематичности, которую только усиливает создаваемый им автобиографический миф: «...Испытал много на веку своем, претерпел на службе за правду, имел много неприятелей, покушавшихся даже на жизнь его...» [V. С. 18]. Риторические клише обнажают кощунственное переименование героем смысла устойчивых *книжных оборотов*, ассоциативно связанных с литературой учительного толка⁹.

В контексте поэмы подобное антиповедение соотносится с предсказанием «одного пророка... в лаптях и нагольном тулупе», который «возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром» [V. С. 295]. Как имя *антихриста* служило и способом характеристики Наполеона, и средством выражения прямой веры в то, что Наполеон и есть антихрист¹⁰, так и имя Наполеона, которого буквально отождествляют с Чичиковым, подчеркивает демонические свойства *человека без племени и роду*. Будучи персонификацией Наполеона, Чичиков служит, подобно самому Наполеону, и персонификацией антихриста¹¹. Ср. знаменательный намек на то, что мать Чичикова, родившегося в *проезжего молодца*, была блудной женщиной¹².

Гоголевская трактовка наполеоновской темы, отразившая восприятие *Бонапарта* в народной среде¹³, полемична по отношению к традиции романтической мифологизации фигуры французского императора¹⁴. Бесприютный *изгнанник*¹⁵, человек *рока*, гонимый *людьми*¹⁶, предстает у Гоголя в облике «погубителя», соответствующем серьезности и одновременно пародийности наполеоновской *проекции* в «Мертвых душах»¹⁷.

Подобно Онегину, Чичиков — «это герой возможности»¹⁸. В «Мертвых душах» *возможности* героя реализуются прежде всего в сюжете молвы, параллельном основному действию. *Переодетый* Наполеон, став персонажем городского фольклора, не только рожден слухами и толками, то есть текстом *говорения*¹⁹, но и конституируется как чисто *словесная* реальность²⁰.

Существуя в мифическом модусе «пришельца» и «чужака», Чичиков выступает пародийным двойником не столько самого Наполеона, сколь-

ко его культурного имени, то есть сугубо словесного феномена. Подобно тому, как магически действует на *всех* «слово: миллионщик, не сам миллионщик, а именно одно слово» [V. С. 227], так и слово *Наполеон*, вызывая апокалипсические ассоциации, побуждает придавать Чичикову и его действиям «какое-то особенное значение» [V. С. 296].

Молва, спровоцировав функционирование наполеоновского мифа, наделяет Чичикова не только внешностью поверженного кумира, сохранившего тем не менее inferнальную власть над *умами*, но и приписанной тому мистической способностью всюду *пробираться*. Мифологическое оборотничество героя, в котором не случайно «оказалась такая внимательность к туалету, какой даже не везде видывано» [V. С. 18], сродни обсуждавшемуся современниками умению Наполеона «принимать любые обличья»²¹.

Гоголевского *приобретателя* и пленника *острова Елены* связывает и общий мотив «границы», воображаемое пересечение которой разводит их, правда, по разные ее стороны: Чичиков, *добравшись* до таможи, мечтает «об особенном сорте французского мыла, сообщавшего необыкновенную белизну коже и свежесть щекам» [V. С. 337], а *перодевший* Чичиковым Наполеон начинает новое *вторжение* в Россию.

Образ мифического «завоевателя» соответствует у Гоголя архетипике русской мифологии: Чичиков-Наполеон предстает не просто пришельцем извне, но демоническим соблазнителем, стремящимся овладеть *женским началом* России²². Именно это начало и репрезентирует город N., в *женской природе*²³ которого отразилась и воплотилась *женственная стихия*²⁴ провинциального топоса: «Но несравненно замечательнее было впечатление [совершенный предмет изумления!], которое произвел Чичиков на дам» [V. С. 224].

Между тем у Гоголя *женское начало* привычно демонизируется²⁵, так что повествователь, начав было разговор о дамах города N., не случайно чувствует необъяснимую *робость*: «Даже странно, совсем не подымается перо, точно будет свинец какой-нибудь сидит в нем» [V. С. 224].

Отсутствие названия у города N. подчеркивает сказочно-условную неопределенность места действия²⁶, что мотивирует легкость его превращения в европейскую столицу, где и началась *военная* карьера французского императора: «Словом, кажется, как будто на всем было написано: “Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!” Только местами вдруг высовывался какой-нибудь невиданный землею чепец или даже какое-то чуть не павлиное перо, в противоположность всем модам, по собственному вкусу» [V. С. 233].

В феминизированном пространстве губернского города именно дамы определяют, кому быть, а кому не быть здесь *Наполеоном*. И пока Чичиков оправдывает ожидания дам, то в нем «даже стали находить величественное выражение в лице, что-то марсовское и военное» [V. С. 236], тогда как оказанное им *пренебрежение* к дамам вызывает характерную демоническую реакцию, сокрушившую репутацию героя: «Дамы успели напустить такого тумана в глаза всем, что все, а особенно чиновники, несколько времени оставались ошеломленными» [V. С. 270].

В результате мнимый *Париж* обнаруживает не просто *женские*, но *ведьминские* черты. И приходится *переодетому* Наполеону не то что помышлять о *завоевании*, но спастись бегством, завершая таким образом *военную* карьеру.

Профанически дублируя европейскую столицу и выступая ее пародийным подобием, город N. не только продуцирует *невиданные* провинциальные фантомы, но и порождает фобии провинциального сознания, трансформирующего наполеоновскую легенду в *страшную историю*, функционально тождественную не столько апологетическому или антибонапартистскому *мифу*²⁷, сколько анекдоту, неожиданная развязка которого возвращает *смелливое предположение* в наиболее подходящую для него сферу городского фольклора.

Примечания

¹ Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений: В 5 т. Т. V. 2-е изд. М. 1959. С.294. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома римскими и страниц арабскими цифрами.

² Ср.: Гольденберг А.Х. «Мертвые души» Н.В.Гоголя и традиции народной культуры. Волгоград, 1991. С.59.

³ См.: Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т II. Язык и культура. М., 1994. С.92. Ср.: Белова О.В. Инородец // Славянская мифология. М., 1995. С.214.

⁴ Ср. мнение о Чичикове, вызванное его необычной для человека *прозорливостью*: «Даже начальство изъяснилось, что это был черт, а не человек...» (V. С.338).

⁵ См.: Вольперт Л.И. Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения. Таллинн, 1990. С.88.

⁶ Ср.: Там же. С.99.

⁷ Там же. С.96.

⁸ См.: Кривонос В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб., 1999. С.229-248.

- ⁹ Ср.: Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С.192-194
- ¹⁰ Ср.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. Т. VI. Тарту, 1973. С.285.
- ¹¹ См. о связи темы антихриста с образом Наполеона в «Мертвых душах»: Вайскопф М. Сюжет Гоголя: Морфология. Идеология. Контекст. М., 1993. С.389.
- ¹² «От нечистой блудной родится Антихрист» (Преподобный Нил Мироточивый и его пророчества о последних судьбах нашего мира // О последних судьбах мира. М., 1997. С.16).
- ¹³ См.: Гуминский В.М. Гоголь и Наполеон // Н.В.Гоголь: Загадка третьего тысячелетия: Первые Гоголевские чтения. М., 2002. С.220-221.
- ¹⁴ Ср.: Смирнова Е.А. Поэма Гоголя «Мертвые души». Л., 1987. С.115-116.
- ¹⁵ Лейтон Л.Г. Стихотворение Марлинского «Сон»: Байрон и Пушкин // Russian Literature. 1998. Vol. XLIII. №1. С.89-90.
- ¹⁶ Кормилов С.И. Поэзия М.Ю.Лермонтова. 3-е изд. М., 2000. С.81.
- ¹⁷ См.: Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С.248.
- ¹⁸ Чумаков Ю.Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С.203.
- ¹⁹ Ср.: Белоусов А.Ф. Городской фольклор. Таллинн, 1987. С.19-22.
- ²⁰ Ср.: Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974. С.31-32.
- ²¹ Гуминский В.М. Указ. соч. С.222.
- ²² Ср.: Барабанов Е.В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. №8. С.107.
- ²³ Неклюдов С.Ю. «Баба идет – красивая, как город...» // Живая старина. 1994. №4. С.8. Ср.: Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С.393.
- ²⁴ Зингерман Б. Образ русской провинции в творчестве Гоголя (Цитаты и комментарии) // Мир русской провинции и провинциальная культура. СПб., 1997. С.13.
- ²⁵ Ср.: Кривонос В.Ш. Мотив «связи женщины с чертом» в прозе Гоголя // Поэтика русской литературы: К 70-летию проф. Ю.В.Манна. М., 2001. С.65-79.
- ²⁶ Ср.: Белоусов А.В. Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа «Город Эн» // Добычинские чтения. Даугавпилс, 1991. С.12.
- ²⁷ См.: Вольперт Л.И. Указ. соч. С.88.